

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ |
FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

**Судебно-психологическая экспертная
диагностика семейных взаимоотношений:
возможности психосемантического подхода**

Кулаков С.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0203-1332>, e-mail: novik_010979@mail.ru

В научном обзоре анализируются возможности применения психосемантического подхода в исследовании смыслового восприятия в русле семейных отношений. Рост числа дисгармоничных семей обуславливает увеличение числа разводов, в которых в ряде случаев взаимоотношения между супругами носят высококонфликтный характер и сопровождаются спорами о воспитании ребенка, что, в свою очередь, определяет рост числа гражданских судебных экспертиз по спорам о воспитании ребенка. Существует ряд теоретических направлений исследования дисфункциональных семей и семейных конфликтов и множество практических подходов по работе с ними. Однако, как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях дисфункциональных семей, основное внимание уделяется преимущественно феноменологическому анализу и выделению формально-структурных признаков, тогда как их структурно-содержательному анализу уделяется меньше внимания. К одному из перспективных направлений изучения системы семейных отношений, на наш взгляд, относится психосемантический подход — исследование содержательного компонента психологического отношения — эмоционально-смысловых конструкторов, лежащих в основе смыслового восприятия друг друга и ребенка родителями.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, высококонфликтная семья, супружеский конфликт, психосемантика, образ семьи.

Для цитаты: Кулаков С.С. Судебно-психологическая экспертная диагностика семейных взаимоотношений: возможности психосемантического подхода [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 14–26. DOI:10.17759/psylaw.2022120302

Forensic Psychological Assessment of Family Relationships: the Potential for a Psychosemantic Approach

Sergey S. Kulakov

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0203-1332>, e-mail: novik_010979@mail.ru

This scientific review analyses the potential for applying the psychosemantic approach in researching semantic perception within the context of family relationships. The growing number of dysfunctional families leads to an increased divorce rate, with high-conflict spousal relationships often accompanied by parenting disagreements. This, in turn, increases the frequency of court-ordered psychological evaluations due to parenting disagreements in civil cases. There are many theoretical pathways when it comes to studying dysfunctional families and conflicts within families, as well as numerous practical approaches to dealing with them. However, both Russian and international research on dysfunctional family structures is mostly confined to predominantly phenomenological analysis, as well as identifying formal characteristics, whereas the semantic analysis of family structures is largely neglected. We believe that one of the promising avenues in researching the family relationship system is the psychosemantic method: that is, the study of the semantic component of psychological relations: the emotional and semantic constructs underlying the semantic perception by the parents of each other and of their child.

Keywords: comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, high-conflict family, spousal conflict, psychosemantics, family image.

For citation: Kulakov S.S. Forensic Psychological Assessment of Family Relationships: the Potential for a Psychosemantic Approach. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 14–26. DOI:10.17759/psylaw.2022120302 (In Russ.).

Специфика подхода при производстве комплексных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ) по судебным спорам между родителями о воспитании ребенка, в отличие от других видов экспертиз в уголовном и гражданском процессах, заключается в том, что диагностируется вся система семейных отношений. Отличительной чертой данного вида экспертиз является высокий уровень конфликта между родителями и вовлечение детей в семейный конфликт [25].

Традиционно проблема семейного конфликта в зарубежной литературе рассматривается в рамках консультативной практики в исследованиях, посвященных дисфункциональным семьям и высококонфликтным разводам.

Выделяют несколько направлений анализа супружеских конфликтов и дисфункциональных семейных отношений: мотивационное, психодинамическое, социокультурное, бихевиористское и когнитивистское.

Мотивационное направление связывается с изучением проблемы межличностной совместимости — потребностной и поведенческой. Считается, что человек выстраивает свои отношения с другими людьми на основе типичных для него моделей межличностной

ориентации, которые определяются тремя фундаментальными интерперсональными потребностями: включенности, контроля и любви. Разнообразные сочетания этих потребностей образуют, в свою очередь, три типа совместимости: взаимообменную, реципрокную и инициаторную [45].

В рамках психодинамического направления дисгармония семейной жизни рассматривается с позиций классического психоанализа. Основной причиной семейной дисгармонии выступают защитные механизмы, выработанные в детстве, ведущим из которых выступает страх потери ценности собственного Я и в необходимости его «защиты» от партнера. Неудовлетворенная в детстве потребность в безопасности ведет к конфликтам в браке и определяет их неотвратимость. Кроме того, психодинамическое направление постулирует прямой перенос отношений в родительской семье на отношения в супружеской паре [6].

В рамках социокультурного подхода исследования сосредоточены на изучении распределения ролевых ожиданий и собственно ролевого поведения в семье. Конфликты в семье порождаются либо из-за неправильного распределения ролей, либо из-за искажений в реализации роли. А трудности в осознании семейных конфликтов коренятся в рассогласовании между ожиданиями и актуальной реализацией ролевого поведения, что и составляет мишени коррекционного воздействия [31].

В рамках бихевиористского подхода диадическое взаимодействие рассматривается как соотношение вознаграждений и издержек (как материальных, так и психологических) — положительного или отрицательного подкрепления, баланса между «брать» и «отдавать». Считается, что кризисные пары характеризуются в большей степени наказывающим, а не вознаграждающим типом взаимодействия [47].

С позиций когнитивистского подхода, опирающегося на идеи конструктивного альтернативизма Дж. Келли [11], предполагается, что у каждого члена семьи есть свой взгляд на проблему, опирающийся на индивидуальную систему конструкторов, а исследование конструкторов семьи позволяет исследовать стоящую за ними систему смысловых установок.

Конструкторы позволяют прогнозировать ситуации, их изменчивость определяется их гибкостью, а развитие — новым опытом; и напротив, ситуации эмоциональной напряженности, фиксация на старом опыте препятствуют выработке новых систем конструкторов. В рамках когнитивного подхода принято считать, что люди выбирают партнеров, которые могут формировать конструкторы, позволяющие сделать их мир более предсказуемым; системы конструкторов у партнеров формируют паттерны взаимодействия внутри семьи; дисгармония в семейной системе наступает в случае несформированной, нерелексируемой, либо ригидной системы конструкторов [35]. Супружеские конфликты обусловлены несходными конструкторами партнеров по браку [28; 29; 42; 44; 46], а также дефицитом конструкторов, касающихся семейной жизни, их упрощенностью, отсутствием градаций [32].

В социальной психологии под конфликтом понимается столкновение несовместимых по тем или иным причинам целей, интересов, позиций, мнений субъектов взаимодействия. При этом конфликт рассматривается не только в негативном, но и в позитивном ключе — как конструктивное решение проблемной ситуации. В зарубежной и отечественной психологии отсутствует общепринятая теория супружеских конфликтов, изучаются в основном такие аспекты, как обуславливающие их факторы, их динамика и т. п. В семейной психологии выделены основные характеристики семейного конфликта. К ним относят: вид конфликта —

актуальный, прогрессирующий, хронический; форма его протекания — явный, скрытый; способ разрешения — конструктивный, деструктивный. Развод относится к ненормативному кризису семейной жизни [10], которому, как правило, предшествует хроническая, деструктивная, неразрешенная совокупность конфликтных ситуаций. Анализируя зарубежные исследования, посвященные высококонфликтным разводам (High divorce conflict), можно выделить ряд существенных характеристик родителей, оказавшихся в длительной ситуации судебного спора о воспитании и месте жительства ребенка. Так, в случае высококонфликтных разводов судебные разбирательства становятся новой формой борьбы между конфликтующими родителями [39]. При разводах, сопровождающихся судебным спором, причинами конфликта между родителями являются неспособность одного или обоих родителей принять расторжение брака, противоречивое отношение к разводу, трудности в переориентации отношений от супружеских к со-родительским, фиксированность на собственных переживаниях и неспособность оградить ребенка от них и от участия в родительских конфликтах, а также неспособность сфокусироваться на потребностях детей. Считается, что высококонфликтный развод сам по себе может быть формой проявления заостренных личностных особенностей или их психопатологических эквивалентов, либо личностные и психопатологические особенности родителей являются реакцией на стрессовую субъективно значимую ситуацию [38].

Согласно зарубежным исследованиям, считается, что в ситуации развода некоторый уровень конфликта между родителями является нормой [40] и в последующем, в течение 2—3 лет после развода, выраженность конфликта уменьшается. Вместе с тем выделяются 8—12% разведенных родителей, уровень конфликта между которыми остается достаточно высоким [37; 41; 43]. В случае высококонфликтных разводов родители не способны самостоятельно прийти к соглашению, как о порядке общения отдельно проживающего родителя с ребенком, так и о месте жительства ребенка. При этом дети в таких семьях приобретают особую значимость из-за потребности родителей как в эмоциональной поддержке, так и в создании альянсов и коалиций с детьми против другого родителя и тем самым вовлекаются в конфликт выбора между родителями — «конфликт лояльности». Наиболее часто в зарубежных исследованиях используется типология конфликта в разведенных семьях, предложенная К.Б. Гаррити и М.А. Баррисом, которая описывает пять уровней выраженности конфликта между родителями, последовательно вычленяющие нарастание стрессогенности этой ситуации, выраженность агрессии, нарушения способности родителей к сотрудничеству, степень вовлечения ребенка в супружеский конфликт [36].

Как видно, зарубежные исследования семейных конфликтов в ситуации развода родителей сводятся к выделению их формально-структурных признаков и направлены преимущественно на феноменологический анализ, тогда как структурно-содержательному анализу уделяется меньше внимания.

В концепции позитивной семейной психотерапии Н. Пезешкиана получила свое развитие проблема содержания и переработки семейного конфликта [20]. Им были выделены четыре формы переработки конфликтов: телесная — через ощущение и восприятие; деятельностьная — через деятельность; социально-коммуникативная — через социальные контакты; общение — через воображение и интуицию. Эффективную переработку конфликта обеспечивает согласованное взаимодействие всех четырех форм, что возможно при условии того, что все четыре формы будут отражаться в смысловом взаимовосприятии партнеров целостно. Тогда

как доминирование одной из форм переработки конфликта приводит к невротическим симптомам [10].

Таким образом, одним из продуктивных подходов к изучению семейного конфликта как феномена супружеской жизни и его более специфической формы в случае высокого уровня конфликта между супругами в ситуации развода, может выступить исследование смыслового восприятия родителями друг друга и ребенка, интегрирующее телесные, деятельностные и коммуникативные аспекты семейных взаимоотношений.

Из общей психологии известно, что образ восприятия является регулятором деятельности субъекта и отражает личностное, пристрастное отношение к объекту восприятия [13].

В социальной психологии термин «социальная перцепция» изначально подчеркивал факт детерминации перцептивных процессов социальными факторами, но позднее приобрел второе значение — восприятия социальных объектов [15] и в дальнейшем свелся к терминам межличностной перцепции как восприятия одной личностью другой личности. Однако в отличие от общей психологии в социальной психологии межличностное восприятие исследуется в совокупности всех когнитивных компонентов, а также эмоций, мотивации, личности, как «...результатирующий аспект, зафиксированный в индивидуальном «образе» значимого социального объекта ...» [15, с. 20—21]. Восприятие людьми друг друга представляет собой единство двух различных процессов, которые могут быть разделены лишь условно: выделения (наблюдения, оценка, селекция признаков, качеств, свойств объекта) и приписывания другому человеку признаков, свойств, черт характера [4]. Структура межличностного восприятия описывается как состоящая из четырех компонентов: объекта (воспринимаемого), субъекта (воспринимающего), собственно процесса межличностного восприятия и отражения социального объекта в сознании субъекта. Психологическая характеристика «... “взаимодействия” субъекта и объекта межличностного восприятия заключается в построении образа другого человека» [15; 33]. Подчеркивается, что «... “качество” такого прочтения обусловлено как способностями читающего, так и ясностью текста... поэтому для результата межличностного восприятия значимыми являются характеристики и субъекта, и объекта» [15; 32].

В отечественных исследованиях, посвященных исследованию восприятия в семье, большое внимание уделяется образу родителя как воспитателя, его представлению о системе семейного воспитания, а также образу ребенка глазами родителя — т. е. делается упор на изучение психолого-педагогического аспекта образной регуляции воспитательного взаимодействия [10]. Тогда как собственно особенности межличностного восприятия в супружеских парах занимают существенно меньшее место. Открытым остается вопрос о выработке единого понятия, обозначающего семейные представления, поставлена, но не раскрыта проблема их содержания. Для описания восприятия семьи ее членами существует ряд понятий: «образ Мы» (А.В. Черников) [30]; «семейная идентичность» (Н. Аккерман) [1; 2]; «внутренняя картина семьи» (Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис) [33]; «семейные мифы» (А.Я. Варга) [5]; «семейное самосознание» (О.А. Карабанова) [10]; «семейный нарратив» (Е.Е. Сапогова) [24]; имплицитная теория семьи (L.R. Varnhill) [34].

В последнее время в отечественных исследованиях, посвященных проблеме социального познания, наметилась тенденция к активному использованию психосемантического подхода, отражающего переход от объектной логики к логике субъектной парадигмы.

По мнению Е.Л. Доценко, «... работ, в которых психосемантика использовалась для исследования межличностного общения, очень мало. А возможности психосемантического

подхода в данной области... очень широки» [8; 41]. Логика объектной парадигмы в психологии определяется как «...структура экспериментально-психологических данных, в рамках которой человек описывается как объект, обладающий определенными психическими свойствами, но не как субъект, строящий собственную модель (образ) мира» [32; с. 33—37]. Психосемантика позволяет переменить исследовательскую позицию с объектной на субъектную [8].

В последние годы в отечественных исследованиях, выполненных в рамках семейной психологии, получило распространение изучение семейных представлений как фрагмента имплицитных теорий семьи (ИТС) методами психосемантики [16; 17]. Понятие имплицитной теории семьи впервые употребил Л.Р. Бранхил [34], отметив, что стабильно функционирующая семья описывается исследователями не на научном уровне, а на уровне «имплицитных теорий семьи».

По мнению А.Г. Лидерса, «...имплицитная теория семьи является фрагментом образа мира, организует восприятие реальной семьи и регулирует поведение в ней. На основании собственной имплицитной теории семьи каждый член семьи имеет какое-то представление о том, какая она, его семья, что она из себя представляет и какое место в ней он занимает. Представления о семье определяют реальные взаимоотношения в семейной сфере. Имплицитные теории семьи относятся к разряду имплицитных социальных теорий; соответственно, они могут быть представлениями целой группы, а не только одного человека» [23, с. 163]. Опираясь на представления о по-уровневой структуре образа мира [22; 27], О.А. Минеева предполагает, что ИТС структурируют семантический слой образа мира: она может быть представлена как трехуровневая структура двухполюсных конструкторов, состоящая из: ядерного (инвариантного) уровня — системы базовых конструкторов, общих для всех людей; группового уровня — набора имплицитных теорий, разделяемых индивидом со своими референтными социо-культурными группами, образованными на основании сходного жизненного опыта; индивидуального уровня, формирующегося на основании личного опыта [18].

Изучение стереотипов «обыденного» сознания представляет интерес для исследования регуляторной роли «...образа — стереотипа как носителя социальных установок, представляющих некий стандартизированный вариант личностного смысла группы». Вместе с тем указанное понимание не исчерпывает всего спектра исследований индивидуального сознания.

Сформировавшаяся в недрах психосемантики, психология субъективной семантики отличается от ИТС, как в основных методических подходах к описанию структур субъективного опыта, так и в построении его моделей.

«Предметом психосемантики является моделирование систем значений как структур репрезентации опыта в сознании» [26, с. 6], при этом «...для построения моделей психосемантики требуется априорное постулирование существования семантического пространства, организованного по типу разнообразных метрических пространств» [26, с. 6]. Однако ряд допусков математического моделирования делают затруднительным использование математических моделей для описания субъективного опыта, поскольку они не описывают «...качественное своеобразие изучаемых явлений, а “приписывают” экспериментальному материалу свойства используемых математических описаний» [26, 10]. Кроме того, ряд содержательных трудностей, связанных с привнесением элемента субъективности в интерпретацию полученных данных, могут исказить результаты

измерительной процедуры. Поэтому большинство математических моделей называются не моделями субъективного опыта, а операциональными аналогами опыта [21].

«В отечественной психологии на основе принципа единства сознания и деятельности развивалась парадигма моделирования структур субъективного опыта с максимально меньшим числом допусков модели и с максимально меньшим количеством формализаций данных эксперимента. Это необходимо для моделирования не только результатов, но и механизмов семантического оценивания. Необходимым требованием к модели является постоянно дорабатываемое соответствие аксиоматики модели с аксиоматикой моделируемой реальности» [26, с. 11]. Такие модели носят название парадигмальных [3].

Согласно В.Н. Мясищеву, «...отношения образуют целостную систему избирательных, сознательных связей личности с разными сторонами объективной действительности»; отношение к социализированным объектам «...вытекает из всей истории развития человека, выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания» [19, с. 426]. Отношения понимаются как «...многомерная, многоуровневая, динамическая система субъективно-личностных отношений», которые можно представить в виде многомерного «...субъективного пространства, каждое измерение которого соответствует определенному субъективно-личностному аспекту» [14, с. 444].

Согласно парадигмальной модели движения смысла по слоям субъективного опыта, «элементы семантического слоя субъективного опыта понимаются нами как следы деятельности, зафиксированные в отношении к предметам, объектам манипуляции и условиям этих деятельности». [3, с. 23]. Обобщая большой эмпирический материал, накопленный в психологии субъективной семантики, Е.Ю. Артемьева утверждала, что «...предметами в субъект-объектных отношениях являются не вещи, не объекты, ситуации, явления, а свернутые следы взаимодействия с ними, некоторое состояние, реализация в здесь-и-сейчас образа мира» [3, с. 352], т. е. «...отношения к объектам фиксируются в виде операций, которые субъект использовал при взаимодействии с предметами внешнего мира» [7, с. 65]. С полным правом это положение можно отнести и к реальности субъект-субъектных межличностных отношений. При этом «квазивеществом» субъективного пространства образа семьи, на наш взгляд, выступают «психологические» отношения человека, существо которых черпается из реальности межличностных взаимодействий, и возможность их экспериментальной фиксации методами психосемантики на материале восприятия позволяет выявлять и описывать в традициях построения парадигмальных моделей, — приближая (дорабатывая) аксиоматику модели к аксиоматике психологического механизма, — малоосознаваемые, трудно вербализуемые пласты «психологических» отношений личности в контексте семейных отношений.

Такой подход близок к теории личностных конструктов Дж. Келли [11], раскрывающей конструкт как определенное смысловое образование, посредством которого человек воспринимает, понимает, оценивает окружающую действительность.

Принимая за основу работы системный анализ человеческого сознания, наиболее перспективным в изучении особенностей семейных представлений (образа семьи) видится рассмотрение его эмоционально-смыслового аспекта — системы субъективных отношений как составляющей индивидуального сознания родителей — субъектов гармоничных и дисфункциональных семейных отношений. В качестве примера исследования, выполненного с опорой на методологию психологии субъективной семантики, можно привести исследование содержательного компонента психологического отношения — эмоционально-

смысловых конструкторов, лежащих в основе смыслового восприятия друг друга и ребенка родителями — участниками судебного спора. Было показано, что в семьях, характеризующихся высокой степенью конфликта, единство позитивных оценок ограничивается оценкой себя и ребенка, тогда как при оценке супруга (супруги) наблюдается своеобразная инверсия оценки. При этом отрицательное отношение к супругу (супруге) выражается не в наделинии другого родителя отрицательными характеристиками, а в отказе от признания у них положительных свойств. В гармоничных же семьях выявлено позитивное принятие всех членов семьи [12].

В исследовании, посвященном анализу системы конструкторов приемных родителей, применение метода репертуарных решеток, выявило его эффективность в качестве инструмента психологической помощи в плане: развития восприятия детско-родительских отношений; работы с ригидными убеждениями; развития конгруэнтности и рефлексии убеждений; выявления отвержения кого-либо из семейной системы [9].

Таким образом, подход, опирающийся на методологические и методические принципы психологии субъективной семантики, открывает перспективы в изучении и выявлении имплицитной структуры внутрисемейных отношений, их эмоционально-смыслового аспекта с содержательной стороны, позволяет дополнить арсенал идеографических методов исследования личности, преодолевающих факторы социальной желательности и установочного поведения родителей, а его результаты могут продуктивно применяться в различного вида психологических практиках — в том числе и при производстве судебно-психологических экспертиз по делам, связанным со спорами о воспитании детей.

Литература

1. Аккерман Н. Семья как социальная и эмоциональная единица // Семейная психотерапия: Хрестоматия. СПб: Речь, 2007. С. 16–23.
2. Аккерман Н. Теория семейной динамики // Семейная психотерапия: Хрестоматия. СПб: Речь, 2000. С. 70–77.
3. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл, 1999. 352 с.
4. Бодалев А.А. Личность и общение: Избранные психологические труды. 2-е изд., перераб. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.
5. Варга А.Я. Системная семейная терапия: краткий лекционный курс. СПб: Речь, 2001. 144 с.
6. Дикс Г.В. Теория объектных отношений и исследование брака // Журнал практической психологии и психоанализа. 2007. № 1.
7. Доценко Е.Л. Семантика межличностного общения: Дисс. ... докт. психол. наук. М., 2000. 510 с.
8. Доценко Е.Л. Межличностное общение: семантика и механизмы. Тюмень: ТОГИРРО. 1998. 202 с.
9. Жуйкова Е.Б., Печникова Л.С., Рыжов А.Л. Переосмысление психодиагностической работы с принимающими семьями с позиций конструктивизма [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2019. Том 12. № 63. С. 3. doi:10.54359/ps.v12i63.244
10. Карabanова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. М.: Гардарики. 2005. 320 с.
11. Келли Дж. Теория личности: психология личных конструкторов. СПб: Речь, 2000. 249 с.

12. Кулаков С.С. Эмоционально-оценочное отношение родителей из высококонфликтных семей друг к другу и ребенку [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 4. С. 126–141. doi:10.17759/psylaw.2016060412
13. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–14.
14. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
15. Межличностное восприятие в группе / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 294 с.
16. Минеева О.А., Лидерс А.Г. ИмPLICITные теории семьи // Семейная психология и семейная психотерапия. 2004. № 4. С. 3–22.
17. Минеева О.А., Лидерс А.Г. Многомерное шкалирование психосемантических данных, как прием исследования имPLICITных теорий (на примере имPLICITных теорий семьи) // Психологическая диагностика. 2007. № 6. С. 26–49.
18. Минеева О.А. Возрастные и гендерные особенности содержания имPLICITных теорий семьи: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2011. 36 с.
19. Мясшцев В.Н. Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 426 с.
20. Пезешкиан Н. Позитивная семейная психотерапия: семья как терапевт. М.: Март, 1996. 336 с.
21. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 176 с.
22. Петухов В.В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1984. № 4. С. 13–21.
23. Психология субъективной семантики: истоки и развитие / Под ред. И.Б. Ханиной и Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 471 с.
24. Сапогова Е.Е. Концепты семейного нарратива в структуре первичной социализации субъекта // Семейная психология и семейная психотерапия. 2004. № 4. С. 23–28.
25. Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.
26. Серкин В.П. Методы психосемантики: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2004. 382 с.
27. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во МГУ, 1985. 231 с.
28. Тащёва А.И. Атрибутивные процессы в супружеских конфликтах: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1987. 172 с.
29. Фрондзей С.Н. Личностные детерминанты конфликтов в неофициальном молодежном браке: Дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 175 с.
30. Черников А.В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. М.: Класс, 2001. 208 с.
31. Черников А.В. Введение в семейную психотерапию (Интегративная модель диагностики). М., 1998. 152 с.
32. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб: Речь, 2002. 373 с.
33. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб: Питер, 2008. 672 с.

34. *Barnhill L.R.* Healthy family system // *The Family Coordinator*, 1979. Vol. 28(1). P. 94–100. doi:10.2307/583274
35. *Carr A.* Family therapy: concepts, process and practice. Chichester: Wiley, 2006. 624 p.
36. *Garrity K.B., Barris M.A.* Caught in the Middle: Protecting the Children of High-conflict Divorce. San-Francisko: Jossey-Bass, 1994. 192 p.
37. *Hetherington E.M.* Should we stay together for the sake of the children? // E.M. Hetherington (Ed.). *Coping with Divorce, Single Parenting, and Remarriage*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1999. P. 93–116.
38. *Johnston J.R.* High-conflict divorce // *The Future of Children and Divorce*. 1994. Vol. 4(1). P. 165–182. doi:10.2307/1602483
39. *Johnston J.R., Campbell E.G.* Impasses of Divorce: The Dynamics and Resolution of Family Conflict. N.Y.: The Free Press, 1988.
40. *Kelly J.B., Emery R.E.* Children's adjustment following divorce: risk and resilience perspectives // *Family Relation*. 2003. Vol. 52(4). P. 352–362. doi:10.1111/j.1741-3729.2003.00352.x
41. *King V., Heard H.E.* Nonresident father visitation, parental conflict, and mother's satisfaction: What's best for child well-being? // *Journal of Marriage and Family*. 1999. Vol. 61(2). P. 385–396. doi:10.2307/353756
42. *Kotler T., Chetwynd J.* Changes in family members during psychotherapy // *Human relations*. 1980. Vol. 33(2). P. 101–110. doi:10.1177/001872678003300202
43. *Maccoby E.E., Mnookin R.H.* Dividing the Child: Social and Legal Dilemmas of Custody. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 369 p.
44. *McConahie H.* Parents and Young Mentally Handicapped Children: A Review of Research Issues. London: Routledge, 1986. 288 p.
45. *Schutz W.C.* FIRO, A three-dimensional theory of interpersonal behavior. N.Y.: Rinehart & Company, Inc., 1958. 267 p.
46. *Sharma S., Winter D., McCarthy M.* A personal construct approach to understanding stress in mothers of children diagnosed with autism spectrum disorders // *Journal of constructivist psychology*. 2013. Vol. 26(1). P. 50–61. doi:10.1080/10720537.2013.732534
47. *Thibaut J.W., Kelley H.H.* The social psychology of groups. N.Y.: Wiley, 1959. 286 p.

References

1. Akkerman N. Sem'ya kak sotsial'naya i emotsional'naya edinitsa. *Semeinaya psikhoterapiya: Khrestomatiya*. Saint Petersburg: Rech', 2007, pp. 16–23 (In Russ).
2. Akkerman N. Teoriya semeinoi dinamiki. *Semeinaya psikhoterapiya: Khrestomatiya*. Saint Petersburg: Rech', 2000, pp. 70–77 (In Russ).
3. Artemeva E.Yu. Osnovy psikhologii sub'ektivnoi semantiki. Moscow: Smysl, 1999. 352 p. (In Russ).
4. Bodalev A.A. Lichnost' i obshchenie: Izbrannye psikhologicheskie trudy. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 1995. 328 p. (In Russ).
5. Varga A.Ya. Sistemnaya semeinaya terapiya: kratkii lektсионnyi kurs. Saint Petersburg: Rech', 2001. 144 p. (In Russ).
6. Dicks H.V. Teoriya ob'ektnykh otnoshenii i issledovanie braka [Object relations theory and marital studies]. *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza = Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis*, 2007, no. 1 (In Russ).

7. Dotsenko E.L. Semantika mezhlichnostnogo obshcheniya: Diss. dokt. psikholog. nauk. Moscow, 2000. 510 p. (In Russ).
8. Dotsenko E.L. Mezhlichnostnoe obshchenie: semantika i mekhanizmy. Tyumen': TOGIRRO Publ., 1998. 202 p. (In Russ).
9. Zhuikova E.B., Pechnikova L.S., Ryzhov A.L. Pereosmyslenie psikhodiagnosticheskoi raboty s prinyimayushchimi sem'yami s pozitsii konstruktivizma [Rethinking psychodiagnostic of adoptive / foster families from the positions of constructivism] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2019. Vol. 12, no. 63, pp. 3. doi:10.54359/ps.v12i63.244 (In Russ).
10. Karabanova O.A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya: Uchebnoe posobie. Moscow: Gardariki, 2005. 320 p. (In Russ).
11. Kelly G.A. Teoriya lichnosti: psikhologiya lichnykh konstruktov [A theory of personality. The psychology of personal constructs]. Saint Petersburg: Rech', 2000. 249 p. (In Russ).
12. Kulakov S.S. Emotsional'no-otsenochnoe otnoshenie roditel'ei iz vysokokonfliktnykh semei drug k drugu i rebenku [Emotionally evaluative attitude of parents in the high conflict families to each other and the child] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2016. Vol. 6, no 4, pp. 126–141. doi:10.17759/psylaw.2016060412 (In Russ).
13. Leontiev A.N. Psikhologiya obraza. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 1979, no. 2, pp. 3–14 (In Russ).
14. Lomov B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii. Moscow: Nauka, 1984. 444 p. (In Russ).
15. Andreeva G.M., Dontsov A.I. (eds.). Mezhlichnostnoe vospriyatие v gruppe. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1981. 294 p. (In Russ).
16. Mineeva O.A., Lidars A.G. Implitsitnye teorii sem'i. *Semeinaya psikhologiya i semeinaya psikhoterapiya = Family Psychology and Family Therapy*, 2004, no. 4, pp. 3–22 (In Russ).
17. Mineeva O.A., Lidars A.G. Mnogomernoe shkalirovanie psikhosemanticheskikh dannykh, kak priem issledovaniya implitsitnykh teorii (na primere implitsitnykh teorii sem'i). *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2007, no. 6, pp. 26–49 (In Russ).
18. Mineeva O.A. Vozrastnye i gendernye osobennosti sodержaniya implitsitnykh teorii sem'i: Avtopef. diss. kand. psikholog. nauk. Moscow, 2011. 36 p. (In Russ).
19. Myasishchev V.N. Lichnost' i nevrozy. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1960. 426 p. (In Russ).
20. Peseschkian N. Pozitivnaya semeinaya psikhoterapiya: sem'ya kak terapevt [Positive Family Therapy]. Moscow: Mart, 1996. 336 p. (In Russ).
21. Petrenko V.F. Vvedenie v eksperimental'nyu psikhosemantiku: issledovanie form reprezentatsii v obydennom soznanii. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1983. 176 p. (In Russ).
22. Petukhov V.V. Obraz mira i psikhologicheskoe izuchenie myshleniya. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 1984, no. 4, pp. 13–21 (In Russ).
23. Khanina I.B., Leontiev D.A. (eds.). Psikhologiya sub'ektivnoi semantiki: istoki i razvitie. Moscow: Smysl, 2011. 471 p. (In Russ).
24. Sapogova E.E. Kontsepty semeinogo narrativa v strukture pervichnoi sotsializatsii sub'ekta. *Semeinaya psikhologiya i semeinaya psikhoterapiya = Family Psychology and Family Therapy*, 2004, no. 4, pp. 23–28 (In Russ).

25. Safuanov F.S., Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A. Psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza po sudebnym sporam mezhdru rodityel'nykh o vospitanii i meste zhitel'stva rebenka. Moscow: Genezis, 2011. 192 p. (In Russ).
26. Serkin V.P. Metody psikhosemantiki: Uchebnoe posobie. Moscow: Aspect Press, 2004. 382 p. (In Russ).
27. Smirnov S.D. Psikhologiya obraza: problema aktivnosti psikhicheskogo otrazheniya. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1985. 231 p. (In Russ).
28. Tashcheva A.I. Atributivnye protsessy v supruzheskikh konfliktakh konfliktakh: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 1987. 172 p. (In Russ).
29. Frondzei S.N. Lichnostnye determinanty konfliktov v neofitsial'nom molodezhnom brake: Diss. kand. psikhol. nauk. Rostov-on-Don, 2009. 175 p. (In Russ).
30. Chernikov A.B. Sistemnaya semeinaya terapiya: Integrativnaya model' diagnostiki. Moscow. Klass, 2001. 208 p. (In Russ).
31. Chernikov A.V. Vvedenie v semeinuyu psikhoterapiyu (Integrativ. model' diagnostiki). Moscow, 1998. 152 p. (In Russ).
32. Shmelev A.G. Psikhodiagnostika lichnostnykh chert. Saint Petersburg: Rech', 2002. 373 p. (In Russ).
33. Eidemiller E.G., Yustitskis V. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i. Saint Petersburg: Piter, 2008. 672 p. (In Russ).
34. Barnhill L.R. Healthy family system. *The Family Coordinator*, 1979. Vol. 28, no. 1, pp. 94–100. doi:10.2307/583274
35. Carr A. Family therapy: concepts, process and practice. Chichester: Wiley, 2006. 624 p.
36. Garrity K.B., Barris M.A. Caught in the Middle: Protecting the Children of High-conflict Divorce. San-Francisko: Jossey-Bass, 1994. 192 p.
37. Hetherington E.M. Should we stay together for the sake of the children? In E.M. Hetherington (Ed.). *Coping with Divorce, Single Parenting, and Remarriage*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1999, pp. 93–116.
38. Johnston J.R. High-conflict divorce. *The Future of Children and Divorce*, 1994. Vol. 4, no. 1, pp. 165–182. doi:10.2307/1602483
39. Johnston J.R., Campbell E.G. Impasses of Divorce: The Dynamics and Resolution of Family Conflict. N.Y.: The Free Press, 1988.
40. Kelly J.B., Emery R.E. Children's adjustment following divorce: risk and resilience perspectives. *Family Relation*, 2003. Vol. 52, no. 4, pp. 352–362. doi:10.1111/j.1741-3729.2003.00352.x
41. King V., Heard H.E. Nonresident father visitation, parental conflict, and mother's satisfaction: What's best for child well-being? *Journal of Marriage and Family*, 1999. Vol. 61, no. 2, pp. 385–396. doi:10.2307/353756
42. Kotler T., Chetwynd J. Changes in family members during psychotherapy. *Human relations*, 1980. Vol. 33, iss. 2, pp. 101–110. doi:10.1177/001872678003300202
43. Maccoby E.E., Mnookin R.H. Dividing the Child: Social and Legal Dilemmas of Custody. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 369 p.
44. McConahie H. Parents and Young Mentally Handicapped Children: A Review of Research Issues. London: Routledge, 1986. 288 p.
45. Schutz W.C.. FIRO, A three-dimensional theory of interpersonal behavior. N.Y.: Rinehart & Company, Inc., 1958. 267 p.

Кулаков С.С.
Судебно-психологическая экспертная
диагностика семейных взаимоотношений:
возможности психосемантического подхода
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 14–26.

Kulakov S.S.
Forensic Psychological Assessment
of Family Relationships:
the Potential for a Psychosemantic Approach
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 14–26.

46. Sharma S., Winter D., McCarthy M. A personal construct approach to understanding stress in mothers of children diagnosed with autism spectrum disorders. *Journal of Constructivist Psychology*, 2013. Vol. 26, no. 1, pp. 50–61. doi:10.1080/10720537.2013.732534

47. Thibaut J.W., Kelley H.H. *The social psychology of groups*. N.Y.: Wiley, 1959. 286 p.

Информация об авторах

Кулаков Сергей Сергеевич, научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0203-1332>, e-mail: novik_010979@mail.ru

Information about the authors

Sergey S. Kulakov, Research Assistant, Psychology Laboratory, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0203-1332>, e-mail: novik_010979@mail.ru

Получена 24.02.2022
Принята в печать 05.05.2022

Received 24.02.2022
Accepted 05.05.2022